

Слова Чуньян звучали грубовато, но справедливо — она искренне желала Цзиньли добра. Та и сама это понимала. Покосившись на матушку, сидевшую в кресле с незыблемым спокойствием, Цзиньли справилась со смятением, уступила доводам и тихо, покорно отозвалась:

— Да, матушка.

— Ладно, не буду попусту сотрясать воздух, — примирительно махнула рукой Чуньян. — Но раз уж выдалась минутка, объясню всё разом, чтобы потом недомолвок не осталось.

Чуньян оставалась бесстрастной. Не заботясь о том, приятно ли Цзиньли её слушать, она безучастно продолжала:

— Человек, который тебя выкупил — важная птица из столицы. Судя по всему, он направляется на юг расследовать какое-то дело. Хотя он и молод, но с малых лет вращался среди столичной знати, да и порядки в его доме строгие. Так что води себя смирно и дурных мыслей в голове не держи. Меньше всего ему нужны твои капризы. В его поместье одной наложницей больше, одной меньше — никто и не заметит, зато куском хлеба и крышей над головой ты обеспечена до конца дней. Но если он решит взять тебя с собой на юг... — Чуньян ненадолго замолчала, решив выложить все карты на стол. — Случись какая беда, немедленно отправь весточку в Башню Весенней реки. Поможем мы или нет, но хозяин обязательно даст тебе ответ.

Она сделала глоток чая и продолжила:

— На юге знатные господа падки на изнеженных, хрупких девиц — таких, у которых талия тонка, как тростинка, а от лёгкого дуновения ветра они готовы упасть. Но ещё больше они ценят воспитанниц столичного Приказа придворной музыки. Всё-таки дочери бывших чиновников куда благороднее и изысканнее простых крестьянок. Хорошие манеры, начитанность, врождённое изящество и широкий кругозор — за пару лет этому не обучишь девчонку из нищей семьи. Южные земли кишат соляными магнатами. Денег у них куры не клюют, но в наше время богатство без титула — пустой звук. Без покровительства знати любой богач рано или поздно превратится в дойную корову для властей.

Чуньян презрительно усмехнулась:

— Такова мужская природа: чего не могут получить добром, то берут силой. Власть им не под силу отнять, так они надеются купить за золото тех женщин, к которым прежде и подступиться бы не смели. Девицы, которых выдворяют из Приказа придворной музыки и пускают по рукам, без поддержки близких обречены на прозябание в борделях. Кого-то выкупают столичные весёлые дома, но большинство забирают южные торговцы живым товаром и увозят на лодках вниз по реке.

Она пристально посмотрела на воспитанницу:

— Ты хоть и живёшь в Башне Весенней реки с тринадцати лет, но корни твои всё равно в

Приказе придворной музыки. Если перед отъездом из столицы у тебя там оставались юные подруги, то во время поездки на юг ты наверняка встретишь кого-то из них. Многого от тебя не требуется. Выведай при случае слухи, не жалея серебра на подкуп, помоги своему новому господину в его делах. Заслужить хотя бы малую его благодарность — и ты обеспечишь себе почёт в его доме. Мужчина сам станет твоей защитой. Понимаешь меня?

Сы Вэй затаил дыхание, вместе с застывшей рядом Цинлу стараясь лишний раз не шевелиться, чтобы казаться невидимыми.

Цзиньли долго сидела перед зеркалом, погружённая в свои думы. Наконец она мягко отстранила прислуживавшую ей старуху, подошла к чайному столику и склонилась перед Чуньнян в глубоком, почтительном поклоне.

— Спасибо, матушка, за вашу заботу, — негромко произнесла Цзиньли, и голос её слегка дрогнул от подступивших чувств. — Спасибо, что подумали о моей судьбе.

Чуньнян долго всматривалась в лицо девушки, а затем устало махнула рукой, словно потеряв интерес к разговору:

— Да ладно тебе. Главное — помни мои слова. Как бы тяжело ни приходилось, жизнь продолжается. Постарайся впредь не совершать глупостей.

С этими словами Чуньнян поднялась и, не дожидаясь, пока ей помогут, сама открыла дверь. На пороге она помедлила и, не оборачиваясь, добавила:

— Ночью чиновники в управе шевелятся неохотно, так что дело затянется. Не теряй времени, отправь девчонку собрать твои пожитки. Наряды и украшения, что купила тебе обитель, а также убранство комнат оставь здесь. А вот личные вещи, смену платьев на все времена года да накопленные сбережения забирай без остатка. Сегодня Банкет в канун Нового года — самое суматошное время. Нужно принять заказы гостей, распределить слуг, проследить за кухней и доставкой блюд из ресторанов. Закручусь так, что глаз не сомкну. Как только закончишь с макияжем и придут бумаги об уничтожении договора о продаже в рабство и нового реестра домохозяйств, пусть... вот эта новенькая девчонка проводит тебя.

Дверь за ней закрылась, и Чуньнян торопливо пошла прочь по коридору.

Стоило шагам матушки затихнуть, как Цинлу мгновенно ожила. Позабыв о недавнем оцепенении, она бесцеремонно сунула пипу в руки Сы Вэй и бросилась к подносу, на котором аккуратной стопкой лежало свадебное платье. Наряд состоял из множества частей. Бережно развернув облачение густого багряного цвета, девочка красиво разложила его детали на кушетке позади Цзиньли.

Сначала на шёлк кушетки легло просторное верхнее платье с широкими рукавами, расшитое резвящимися утками-мандаринками и бабочками. Следом за ним — плиссированная юбка с

узором из облаков и летучих мышей, сулящих счастье. Поверх неё Цинлу уложила распашную накидку с воротником-стойкой, украшенную пышными пионами, а затем — две короткие блузы и расшитую узорами исподнюю рубашку.

Любуясь великолепным сочетанием алых оттенков, Цинлу восторженно захлопала в ладоши:

— Госпожа, в этом наряде вы будете просто ослепительны!

— Глупая ты девчонка, — добродушно рассмеялась старуха-парикмахерша, сверкнув щербатым ртом. — Для женщины свадьба — самый важный день в жизни. Тут и наряд, и сама невеста просто обязаны сиять красотой!

Руки старухи так и порхали над головой Цзиньли. Очень скоро она уложила тяжёлые пряди в замысловатую причёску, увенчав её присланной Чуньян позолоченной короной и закрепив шпильками и подвесками. Напоследок пожилая служанка достала со дна подноса круглый веер, расшитый сороками на ветвях цветущей сливы, и протянула его невесте:

— Держите, госпожа, примерьте-ка.

Преобразившаяся Цзиньли сияла благородной прелестью. Тонкий слой пудры подчёркивал нежный румянец на щеках, а веки были тронуты едва заметными розовыми тенями. Её голову венчала нарядная корона с раскинутыми крыльями феникса, украшенная бусинами из киновари, а к самым бровям спускались изящные золотые подвески в виде облаков. По бокам покачивались длинные шпильки-буяо, а затылок украшал гребень, усыпанный речным жемчугом. Цзиньли сидела на шёлковом пуфе, и стоило ей лишь слегка повернуть голову к Сы Вэю, как перед ними предстала настоящая знатная невеста, готовая покинуть родительский дом.

И ведь она ещё даже не надела свадебного платья!

Девушка подняла веер, всматриваясь в собственное отражение. В её глазах появилась дымка воспоминаний. Она бережно коснулась дрожащей подвески в причёске, провела кончиками пальцев по виску к щеке и тихо прошептала:

— Никогда бы не подумала, что доживу до дня, когда смогу примерить этот наряд.

Пусть это были не канонические царские одежды законной супруги, и фигурки фениксов ютились лишь скромным украшением на заколках, а на ткани отсутствовала вышивка с драконами — всё же это было свадебное платье. То самое единственное платье, которое девушке суждено надеть лишь раз в жизни.

Цзиньли почувствовала ком в горле, её глаза припухли и наполнились слезами. Но прежде чем первая капля успела сорваться со звонких ресниц, старуха всплеснула руками:

— Ох, госпожа моя! Свадьба — великий праздник! Вы ведь навсегда покидаете эти стены. Плакать сейчас никак нельзя, только радоваться! Встречайте новую долю с улыбкой, тогда и жизнь сложится удачно, и покой обретёте. Полно, не надо слёз. В такой день положено быть весёлой и пригожей. Впереди вас ждёт новая, светлая дорога...

Цзиньли прикусила губу, загоняя чувства поглубже, и выдохнула:

— Да... Вы правы, нянюшка.

Слёзы так и не пролились, но ресницы остались влажными. Чтобы не дать влаге потечь по щекам, она широко распахнула глаза, сдерживая порыв. Посмотрев на слуг сквозь пелену, Цзиньли скомандовала:

— Цинлу, позови госпожу Лю, пусть поможет собраться. Всё казённое золото, что числится за заведением, оставь на столике. А подарки гостей и то, что я покупала на свои деньги, уложи в сундуки. И пригляди за сундуками со шёлковым платьем, которые я ещё ни разу не надевала. Не позволяй служителям борделя ошиваться рядом, а то живо приберут к рукам что-нибудь ценное. Сама достань из нижнего ящика туалетного столика шкатулку с замком и принеси её мне.

Цинлу радостно кивнула и выбежала за дверь, поспешив в сторону Павильона Туманов.

Цзиньли перевела взгляд на Сы Вэя:

— А ты подежурь у порога. Здешние служители борделя беспардонны. Если принесут вольную, пока я буду переодеваться, удержи вестника на улице. Хорошо?

Сы Вэй молча кивнул, вышел в коридор и притворил за собой дверь.

Минут через пятнадцать дверь приоткрылась. Старуха, закончив приготовления, жестом позвала Сы Вэя войти, а сама, расплывшись в довольной улыбке, поспешила в залу к Чуньян за своей законной платой.

Сы Вэй переступил порог. Цзиньли уже облачилась в тёмно-красные одежды. Заметив мальчика, она плавно повернулась, и подвески на её короне негромко зазвенели в такт движениям.

— Ну как, красиво? — с улыбкой спросила она.

— Очень, — искренне ответил Сы Вэй.

Но улыбка невесты медленно угасла, уступив место грустной задумчивости. Она сделала шаг

навстречу, наклонилась и, легонько ущипнув Сы Вэя за щеку, прошептала:

— Красиво, да толку чуть. Будь ты лет на десять постарше, я бы выкупила себя сама и пошла за тобой тенью, даже без всякого законного признания. Но увы...

Эти слова прозвучали для Сы Вэя как гром среди ясного неба. Он опешил и застыл на месте, не зная, что ответить. Сама же Цзиньли, словно и не заметив произведённого эффекта, отвернулась, небрежно положила веер на стол и вернулась к туалетному столику. Во взгляде её сквозила глубокая тоска.

— За годы, проведённые в этих стенах, я повидала немало мужчин и сполна познала их вероломство, — негромко заговорила она. — Но кто бы мог подумать, что единственной родной душой, способной понять мои горести и разделить разговоры о любви и предательстве, окажется восьмилетний ребёнок... Истинного друга найти непросто. Какая жалость, что судьба развела нас по разным возрастам.

«Ну, тут ты ошибаешься, — мысленно усмехнулся Сы Вэй. — Если сложить обе мои жизни, я прожил на этом свете куда дольше тебя».

Впрочем, сейчас важно было совсем другое. Сы Вэй нахмурился, тщательно подбирая слова:

— Где именно я оступился? На чём прокололся?

<http://bllate.org/book/18280/1761088>